

БЕСПОКОЙСТВО ТАЛАНТА

Штрихи к портрету

при решении основных вопросов! Какое огромное чувство коллективизма! Сколько любви и энтузиазма в преодолении трудностей военного времени! ... В ансамблях очень много учились, порой яростно споря, порой беспрекословно воспринимая все. И чему только не учились! И мудрости жизни, и политграмоте, и всевозможным профессиональным секретам и приемам... И все учились любить русский народ, который немногословно и упорно превозмогая тысячи трудностей военного времени, кормил и одевал нас лучше, чем себя».

надлежащего шинному заводу. Жили, конечно, трудно. Но трудно жилось тогда всему советскому народу.

Помнится, холла в гостинице не было. И по вечерам ее обитатели собирались в коридоре, возле черного диска репродуктора. Жадно слушали сводки Совинформбюро, спорили, строили прогнозы, обменивались новостями. Здесь же, в этом «стоячем» клубе, секретарю парторганизации ансамблей Каарелу Ирду нередко приходилось решать многие организационные и бытовые вопросы. И решать порой даже успешнее, чем в служебном кабинете. Видимо, сказывалась непринужденность обстановки, помноженная на заражавшую окружающих неуемную энергию парторга, которому было тогда чуть больше тридцати.

Спустя два десятилетия в «Страницах из ненаписанного дневника» Каарел Ирда так будет вспоминать дни ярославских ансамблей: «Как много было предприимчивости и инициативы! Как много было яростных споров и как мало крохотных ссор и беспринципных придинок

куства, равно как и его художественный руководитель и директор народный артист Советского Союза Каарел Ирда.

К Ирду приезжают учиться, приглашают к себе, избирают почетным и действительным членом всевозможных обществ, депутатом парламента республики. Ирда много ездит, часто выступает в печати, на различных форумах, конференциях. При всем том, что в театре у него полно забот — от хозяйственных мелочей до крупных творческих проблем. Нетерпимость к рутине, неустанный поиск нового заставляют Ирда быть вечно в движении, испытывать постоянную неудовлетворенность достигнутым. Динамика, беспокойство — его естественное состояние. Жить иначе он не умеет.

НАКОНЕЦ, дверь открылась, и из кабинета стали выходить люди. Последним на пороге появился Ирда, немного взъерошенный, и, как мне показалось, мысленно все еще кого-то в чем-то убеждая.

— Сдаем новый спектакль, — сообщил он с ходу. — И, как это часто бывает, скрестились разные мнения. Азартно поспорили, но, думаю, с пользой. А теперь надо удирать отсюда, — без всякого перехода заявил вдруг Ирда. — Здесь нам не дадут поговорить, — и устремился вперед. Я за ним.

Проведя сквозь бесконечные лабиринты закулисья, Ирда открыл, наконец, какую-то дверь и пропустил ме-

ня вперед. Так вот он — кабинет художественного руководителя «Ванемуйне». Сравнительно небольшая комната, заставленная книжными полками с разнообразной литературой. Бросается в глаза большой письменный стол, заваленный журналами, фотографиями, рукописями. Здесь Ирда думает и пишет, здесь он «советуется» с Брехтом и Станиславским, но никогда не цитирует, а борется за жизнённость их эстетических идей.

— Между прочим, мы с вами в некотором роде коллеги, — неожиданно говорит Ирда, снимая с полки несколько книг в тисненых кожаных переплетах. — Полистайте, а я пока приготовлю кофе. По-скандинавски...

В книгах собраны статьи Ирда, написанные в разное время и опубликованные в разных изданиях. Многие из них мне знакомы. Ирда пишет остро, современно, часто с юмором, пишет из потребности откликнуться на какое-либо событие или включиться в полемику, чтобы и таким способом участвовать в жизни.

Пока Ирда колдовал над кофеиником, я с интересом разглядывала сувениры, подаренные ему в прошлом году к юбилею. Чего там только не было. От различных медалей, картин и изделий народных умельцев до газеты «Эдази», целиком посвященной юбилару и отпечатанной в единственном экземпляре. Мое внимание почему-то привлек футбол-

ный мяч и миниатюрные бутсы.

— При чем здесь футбол? — Потом узнаете, — хитро улыбнулся Ирда, разливая в чашки ароматный кофе, — а пока поговорим о деле, которое привело вас сюда.

ДАЛО ЖЕ заключалось вот в чем. Нынче в феврале Каарел Ирда был вновь избран депутатом парламента нашей республики. Избран в третий раз. Ему, как старейшему депутату, была предоставлена честь открыть первую сессию Верховного Совета Эстонской ССР десятого созыва.

— Народ многого ждет от нас, депутатов, — говорил Ирда в своем вступительном слове. — Он ждет дел, а не слов. По принципиальности и требовательности народных депутатов, их заботе о людях трудящиеся судят о Советской власти.

— Вы депутат со стажем, — говорю своему собеседнику. — Имеете уже определенный опыт работы в высшем органе власти республики. Не трудно ли совмещать эту работу со служебными, а также другими общественными обязанностями, например, члена президиума Международного театрального института при ЮНЕСКО, председателя Эстонского театрального общества, члена художественного совета Министерства культуры СССР и многими другими. И что дает вам депутатская работа в творческом плане?

— Крут обязанностей, о

которых мне постоянно приходится помнить, кому-то, действительно, может показаться физически непосильным. Но я так скажу, хоть и звучит не ново и достаточно банально, — вся эта разнообразная работа вполне помещается в пределах сил и времени, отпущенных человеку. Надо уметь лишь рационально использовать то и другое, не транжирить понапрасну ни силы, ни время.

Моя работа как художника, в отличие, скажем, от работы писателя, всегда связана с большим коллективом, ибо сценическое искусство — прежде всего искусство коллективное. Поэтому я не могу, например, уехать на какой-нибудь уединенный хутор или остров и там творить. Мое каждодневное присутствие в театре обязательно.

Что же касается общественной работы и всевозможных форумов, то они, безусловно, требуют и времени, и определенного настроения души, особенно если относишься к ним не как пассивный секретарь. Но они почти всегда дают и интересную информацию к размышлению.

... Мне вспомнилась одна из давних городских партийных конференций в Тарту, на которой довелось присутствовать в качестве журналиста. Каарел Ирда был ее делегатом и, конечно же, выступал. Как всегда, горячо, искренне, энергично жестикулируя, убедительно полемизируя с докладчиком. Говорил он о вещах, на первый взгляд, несмысленных — нехватке кадров в театре и необходимости строительства научной библиотеки для университета, о трудностях с жильем и значении «Ванемуйне» в жиз-

Я ПРИШЛА в театр чуть раньше условленного времени. Заседание художественного совета, после которого Ирда обещал принять, еще не кончилось. Из-за двери с надписью «Директор» доносился невнятный гул голосов, временами прерывавшийся эмоциональными возгласами главного режиссера (узнала его по голосу).

Впервые Каарела Ирда мне довелось увидеть еще в пору военного лихолетья, в Ярославле. Здесь, в древнем русском городе, создавались тогда Эстонские художественные ансамбли, которым в послевоенные годы суждено было стать костяком эстонской советской творческой интеллигенции. Артисты, художники, писатели жили тогда в старенькой гостинице, у которой, кажется, и названия-то не было. Значительная часть членов ансамбля размещалась в гуликах, нередко перегороденных простынями помешениях клуба «Гигант», при-

На снимке: К. Ирда.
Фото Р. Вельскера.

Около 100 человек собрались в Широким на два часа.

региона... Но эта полярность забот оратора, его искренняя обеспокоенность отражена одну целенаправленную деятельность Ирда-гражданина с его обостренным чувством времени и эпохи. Помнится, эмоциональное выступление Ирда тоже дало тогда руководителям города информацию к размышлению и даже нашло отражение в решении партконференции.

— Особенно интересны для меня сессии Верховного Совета республики, — продолжает собеседник. — Не буду говорить об их официальной стороне — ответственность и причастность к решению государственных вопросов ко многому обязывают. Но эти форумы привлекают меня и как художника. На сессии собираются лучшие люди — представители разных профессий: трактористы, учителя, шахтеры, зоотехники, короче, те, от труда которых зависит наш сегодняшний и наш завтрашний день. С интересом слушаю их выступления с трибуны, с еще большим удовольствием беседую в кулуарах, когда люди менее официальные, более раскованные. Общение с ними помогает мне созданию жизненно достоверных образов на сцене. Ведь литераторы в этом плане, прямо скажем, в большом долгу перед театром и читателем. Особенно молодые — они заняты в основном своим окружением и копанием в собственных переживаниях. Отсюда и появление на свет малокровных, худосочных произведений. Это очень

СРЕДИ народных депутатов много молодежи. И мне, далеко не юнше, всегда интересны встречи с представителями поколения, которое будет определять судьбу нашего народа, нашего государства в следующем тысячелетии. Особен-

но привлекают молодые люди, которых отличают смелый полет мысли, дерзание, бескорыстие. Терпеть не могу безвольных нытиков.

Недавно один молодой человек заявил мне:

— Вам хорошо — ваше поколение с молодых лет боролось за высокие идеалы и одержало победу. А нам за что бороться?

— За упрочение этой победы, — ответил я. — Не ныть, не брзжать по поводу имеющихся недостатков, а активно помогать их устранению. Если плохо так, давайте делать по-другому, чтоб было лучше. Наша страна на первой пошла по неизведанному пути, добилась колоссальных успехов, но при этом неизбежны и отдельные ошибки и неудачи. Так давайте исправлять их вместе.

Ведь беспорядок — не специально организованное кем-то явление, а следствие халатности или бездушие отдельных людей. В этом мне постоянно приходится убеждаться и при разборе жалоб избирателей. И для депутата здесь непочатый край работы.

Сталкиваясь с равнодушием, бюрократизмом, я много размышлял над сущностью, вернее, над истоками этого явления. И пришел к выводу, что тут, видимо, не срывается какой-то винтик в системе нашего школьного и вузовского воспитания. Боюсь, что так часто используемый молодежью лозунг о ее праве на самоутверждение, не будучи связанным с общечеловеческими гуманными идеями, нередко и приводит к тому, что Горький называл «зоологическим эгоизмом».

На мой взгляд, люди, больше всего любящие самих себя, — самые опасные для человечества. Хотя, как правило, они очень любят жонглировать громкими гуманистическими лозунгами, забывая при этом, что нет ничего более антигуманного, чем себялюбие. Подлинный же гуманизм — это способность бескорыстно отдавать часть себя другим.

И Каарел Ирда — большой художник, страстный публицист, умный организатор, терпеливый воспитатель — отдает людям не часть, а всего себя. Он ничего не делает наполовину. И о своей депутатской работе говорит с неменьшей страстью, чем о театре. Да, народный посланник наделен нынче большими полномочиями. И Ирда намерен использовать их для того, чтобы, например, еще раз обратить внимание соответствующих органов на затянувшееся строительство научной библиотеки Тартуского госуниверситета, театра «Угала» и других объектов культуры в республике, чтобы помогать людям, которые приходят к нему как депутату со своими нуждами, пусть даже самыми маленькими. Ирда считает — чтобы решить любую проблему, надо самому ее увидеть, хорошо прочувствовать. И не только в экономике или искусстве, но и в области человеческих взаимоотношений.

Мировоззрение и убеждения Ирда формировались нелегким путем, пройдя испытания и закалку в революции и годы войны. Вот почему он так внимательно и строго присматривается к молодежи, которой дальше нести эстафету отцов и дедов.

— Молодежь должна быть любознательна, беспокойна, активна, а также не удовлетворена собой. Это означает постоянное движение вперед, а значит, самоусовершенствование, прогресс, — сказал Ирда. И тут же, без всякого перехода, пригласил:

— А теперь пойдёмте, я удовлетворю ваше любопытство.

Опять лабиринты закулисья, какая-то дверь, и мы оказываемся перед широкой мраморной лестницей. Ирда по-юношески легко, через ступеньку (это в семьдесят лет) взбегаёт наверх и молча показывает мне на одну из многочисленных фотографий, выставленных в фойе театра. На снимке — бравые парни в спортивной форме. Внизу подпись: «Футбольная команда театра «Ванемуине». Крайний справа — капитан команды К. Ирда. 1947 год».

Так вот почему эти бутылки в кабинете...

Рядом другая фотография: группа парней в забрызганных мелом и краской спецовках. Похоже — маляры. Под снимком дата — 1937 год.

— Здесь тоже ваш покорный слуга, — пояснил Ирда. — Как и отец, работал маляром. Пятнадцать лет не расставался с кистью и мастерком.

...Прошли годы. Простой рабочий парень стал настоящим, убежденным коммунистом — интернационалистом, самобытным художником, выдающимся деятелем советского искусства, активным государственным деятелем.

Л. БОЖИЧ.

(Спец. корр. «Сов. Эст.»).
Тарту